

Медик был человеком. Старик с редующими седыми волосами и худощавым телом. Его морщинистая кожа была кожистой и темно-коричневой от лет, проведенных под резкими ветрами и солнцем пустыни Тир. Его отличительной чертой было то, что он был слеп. Какая-то едкая субстанция плеснула ему на лицо и выжгла зрение. Молочно-белые незрячие глаза застыли неподвижно под веками, навсегда расплавленными до полуоткрытого состояния. Кожа вокруг глаз побелела как кость, привлекая еще больше внимания к его уродству. Брови и ресницы сгорели.

И все же, когда Сэнду каким-то образом удалось протащить свое усталое и измученное тело через деревянную дверь ветхой клиники, старик поднял взгляд от того места, где он возился с несколькими бутылками ингредиентов на своем столе своими тонкими паучьими пальцами. Несмотря на очевидную инвалидность, у Сэнда было четкое ощущение, что человек видит его и видит гораздо лучше, чем многие с совершенно здоровыми глазами. 'Какая-то способность' - заключил он. Он давно уже доверял своей интуиции. В прошлой жизни она несколько раз спасала ему жизнь.

"Еще один несчастный вступает в ряды Ходячих мертвецов. И такой молодой. Жалость. Какая жалость."

- И-исцели меня, старик. - Проскрипел Сэнд, его пересохшее горло огрубело. Отпустив дверной косяк, за который он цеплялся, чтобы не упасть, он, пошатываясь, вошел в комнату. Измученное голодом, жаждой и болью, его юное тело балансировало на грани обморока. Только его сильная воля удерживала его в вертикальном положении, но даже она была ослаблена объединенным протестом его тела и унижением, нанесенным Крегом так недавно. Что касается того, почему другие рабы, самые здоровые взрослые мужчины в свите Гуры, просто наблюдали, не потрудившись протянуть руку помощи простому ребенку. Все было просто. Они не хотели становиться источником развлечений для своего нового хозяина-орка.

Это была обычная тактика, используемая каждым работоторговцем, когда они брали новую партию. У них даже было название для этого – фаворит и дурак. Они выбирали самых сильных и умелых рабов и предоставляли им условия гораздо лучшие, чем их собратьям. Он или она станет фаворитом, лакеем рабовладельца. Конечно, такое несоразмерное обращение породило бы недовольство среди других рабов и отстранило бы фаворита от них. Но это не имело значения. До тех пор, пока хозяин был главным, фаворит будет продолжать процветать и поддерживать свое преимущество. Они часто старались изо всех сил понравиться своему хозяину, донося на других рабов. Дурак же находился в диаметрально противоположном положении. Только благосклонность могла заставить других рабов объединиться против общего врага. Чтобы облегчить их чувство неудовлетворенности, случайный раб, в основном тот, кто был самым маленьким и слабым или наименее квалифицированным, был выбран хозяином и полностью унижен для развлечения хозяина.

Это правда, что мы судим о своем счастье в сравнении с другими. Так и мы судим о наших страданиях. Присутствие дурака создаст у рабов ясное чувство: "по крайней мере, я не должен этого терпеть". "Если я пойду против хозяина, то могу превратиться в дурака", - думали они. - Но если я буду льстить ему, следовать Его воле, то когда-нибудь получу такое же отношение к себе, как и фаворит. Послушание, порожденное системой наград и наказаний. Самый старый трюк в истории. И в этой партии Сэнд был явно выбран в качестве дурака. Общение с ним было табу.

Печальное чувство поднялось в сердце Сэнда. К целой разумной расе относились с чуть большим уважением, чем к домашним животным, иногда даже с меньшим. Это было то, с чем он боролся всю свою прошлую жизнь. Теперь все его достижения, цветок свободы,

распустившийся на песке, смоченном кровью мучеников, все это... исчезло. Смытый рекой внезапного поворота времени, конечно. Воды блуждающей реки затопили ее берега, смывая темно-красные следы, оставленные героями людей на ее берегах. История была смыта, и новый лист был подготовлен для записи фактов заново. И причина всему - Сэнд. Кровавый Дьявол, который был одним из лидеров движения освобождения человечества.

Чувствовал ли он себя виноватым за то, что перечеркнул все, чего достигли его собратья-герои? Да. Чувствовал ли он вину за то, что стер факт их превращения из героев в мучеников? Нет. Нисколько. На этот раз, они будут жить. Они все будут. Сэнд кое-как добрался до кровати в дальнем конце комнаты и почувствовал на себе невидящий взгляд врача. Рухнув на кровать, он лег лицом вниз на то, что представляло собой простыню, лежащую на нескольких деревянных досках, сколоченных вместе.

Врач склонил голову набок. "Действительно, сила молодости. Ты горишь так ярко, что даже мои глаза болят."

Сэнд фыркнул нетерпеливо: "Поспешите."

Медленно и неторопливо человек поднялся со своего места за столом и зашаркал к Сэнду, добравшись до него как раз в тот момент, когда он, наконец, проиграл борьбу с темнотой, давившей на края его зрения. Последнее, что он услышал перед тем, как погрузиться в успокаивающие объятия тьмы, был шорох и треск ткани, когда ловкие пальцы медика осторожно сняли импровизированную повязку, прилипшую к его ранам от запекшейся крови.

- Жаль, что ты горел слишком ярко.

<http://tl.rulate.ru/book/26354/549552>